
УДК 82. 0 (470)

ББК 83. 3 (2=Рус)

К 89

Кузьмина М.Н.

Аспирант кафедры русской литературы факультета русской филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, e-mail: vecher-skola@yandex.ru

**Традиции Ф.Тютчева в философской лирике
ярославского поэта К. Васильева**
(Рецензирована)

Аннотация:

Раскрываются традиции философской лирики Ф.Тютчева в поэзии ярославского поэта XX века К.Васильева. Обоих авторов отличает обострённое чувство восприятия окружающей действительности и попытка заглянуть за границы запредельного, а также схожесть тематики, проблематики, мотивов, поэтических приёмов, главный из которых – приём контраста. Для Ф.Тютчева и К.Васильева «философия» есть органичная поэтическая мысль.

Ключевые слова:

«Философская» лирика, Ф.Тютчев, К.Васильев, человек и мир, человек и природа.

Kuzmina M.N.

Post-graduate student of the Department of Russian Literature of the Faculty of Russian Philology and Culture, the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, e-mail: vecher-skola@yandex.ru

**Traditions of F. Tyutchev in the philosophical lyric
of the Yaroslavl poet K. Vasilyev**

Abstract:

The paper discloses traditions of philosophical lyric of F.Tyutchev in poetry of the Yaroslavl poet of the 20th century K.Vasilyev. Both authors are notable for the aggravated feeling of perception of the surrounding reality and for the attempt to take a glance beyond the borders of other-worldly, as well as similarity of subjects, problematics, motives and the poetic techniques, the main of which is a technique of contrasting. For F.Tyutchev and K.Vasilyev the «philosophy» is an organic poetic thought.

Keywords:

The «philosophical» lyric, F.Tyutchev, K. Vasilyev, a man and the world, a man and the nature.

Русская философская поэзия часто выступает как форма неофициальной философии, которая специфически анализирует неповторимость духовного мира. Так в условиях почти полного упадка отечественной литературы творческая

общественность должна ценить каждого по-настоящему большого поэта, воспринимать его творчество как редкий и замечательный феномен высокой художественности, духовности и патриотизма. К таким художникам слова в полной мере можно отнести ярославского поэта Константина Васильева. В национальной поэзии он является прямым преемником того направления чувств и мыслей, а отчасти, и действий, которое можно назвать «философским». Не случайно А.Н. Понкратова в своей работе «Славянофильство и Тютчев как «первый поэт-философ» отмечает: «В лице Федора Тютчева Россия получила своего великого сына-мудреца, поэта, художника, - сына, всем сердцем болеющего за судьбу своей Отчизны» [1: 43]. Эти слова в полной мере можно отнести и к нашему современнику К.Васильеву, поэту рубежа двадцатого и двадцать первого веков, литературному критику, переводчику, лауреату премии имени Н.С.Лескова (1993), члену Союза российских писателей (1995). Творчество К.Васильева представляет собой синтез и обновление сразу нескольких традиций (А.Блок, С.Есенин, Н.Рубцов, Ф.Тютчев): все средства, весь опыт предыдущей литературы поэт использует для того, чтобы с наибольшей полнотой выразить самого себя и тем самым создать нечто новое в поэзии. Его творчество является предметом обсуждения на конференциях литературоведов-исследователей, которые регулярно с 2002 года проходят на родине поэта (п. Борисоглебский Ярославской области). При этом его произведения хорошо известны в Москве, Санкт-Петербурге, Болгарии, различных регионах нашей страны, хотя собственно исследований, в которых полностью рассматривается творческий путь К.Васильева, до сих пор нет. И Тютчев, и Васильев пытались объяснить строение окружающего мира и человека через собственную философскую систему.

Центром в мироощущении Тютчева стало чувство существования / несуществования.

Поэт постоянно говорит о существовании мира, его хрупкости. Настолько же хрупок человек, сейчас присутствующий в пространстве и во времени, он почти ничто. Лирический герой в поэзии Константина Васильева – пылинка земная в бесконечной жизни неба:

Душе открыта дверь в Небесный Храм,

Небесный Храм не рухнет в одночасье,

Как было на Земле. О, сколько драм Изведал ты, чтобы изведать счастье! [2: 78].

Цикл «Земные сны. Венок сонетов» К.Васильева продолжает тютчевскую традицию: лирический герой – одинокий странник в бесконечном мире, стоящий перед Бездной. В.Океанский в книге «Поэтика пространства в русской метафизической лирике 19 века» пишет: «Тютчевский человек исходно выведен за пределы любой из типологических возможностей и обречён чистому анахронному пространству, а значит – неприкаянности и метафизической муке» [3: 81]. Очень точно передаёт Константин Васильев мироощущение Ф.И.Тютчева в своём стихотворении «Раскрывается Тютчев...»:

Раскрывается Тютчев,

Разгорается ночь.

Я над бездной чуть жив –

Что ж кричу во всю мочь? [2:178-179].

Таким образом, тютчевская система строится на оппозициях: реальность/ирреальность; присутствие/отсутствие; пространство/время. Подобная схема характерна и для поэзии К.Васильева.

Поэтому не случайно любимое время суток поэтов – вечер, ночь, когда ожидают тайные силы. Если дневной мир ясен, светел, то изображение ночи связано с ощущением тревоги, страха. Видимый мир – это покров, скрывающий «древний хаос». Он стремится вырваться наружу в гражданских потрясениях, в мятеже. «Блажен, кто посетил сей мир в его ми-

нуты роковые», - говорит Фёдор Тютчев.

И всё же даже в бесконечном мире важна граница: черта, грань, которая и организует, и отпугивает. Вообще у Тютчева, например, мир – это мир перехлестов, границ, контрастов. Одна строфа объединяет тень и свет. Характерно в этом смысле начало «Весенних вод»:

*Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят [4:60].*

Мир К.Васильева – это также мир контрастов: небо-земля, светлый-тёмный, добро-зло и т.д.

*Тёмные наши дороги,
Светлые наши мечты... [2: 49];
Здесь, в нашей тихой провинции,
Может быть, громче пою [2: 109].*

Поэтому бытие для поэтов - непосредственная, сиюминутная реальность, противостоящая смерти. В этом смысле оно противопоставлено времени: все прошедшее - это умершее. Но есть и сила против прошедшего – память, может быть, поэтому столько стихотворений посвящено памяти. У Тютчева болезненное отношение к памяти. Прошедшее хоть и оживает в памяти, но не делается от этого реальнее. Когда после двадцати лет отсутствия он вернулся из Германии в Россию, то встреча со знакомыми, столкновение зрения и знания с памятью были для него мучительны.

Тема памяти также остро стоит в поэзии К.Васильева: человек – песчинка в бесконечном мире, поэтому после него может остаться только память, зыбкое и пограничное состояние. Удивительно точно передаёт поэт этот процесс:

*В ночной, глухой, пустой моей душе
Огонь воспоминания сияет,
Блуждает, убывает, исчезает...
И где он есть? – не знаю сам уже [2: 88].*

Но чем неподвижнее вещи, тем слышнее гул, стон времени. Таким образом, настоящее хрупко, прошедшего нет, оно - тень; но и на настоящее тоже можно смотреть как на тень, как на прошедшее. Исчезновение времени - это небы-

тие. К.Васильев вводит ещё один мотив - жизнь есть сон, но он интерпретируется:

Да, жизнь есть сон, а надо меньше спать:

*Моя судьба мне даже и не снится.
А звёзды с неба падают в тетрадь –
Былое никогда не повторится!
[2: 147].*

Рядом со временем существует пространство, но пространство - это именно время в значении пространства. Это - постоянное расширение и сужение. Но есть пространство и вполне бытовое (горизонталь) - оно подлежит преодолению как пространство античеловеческое, отрицательное. Пространство же, направленное вверх, в бесконечность, всегда оценивается положительно. Однако еще важнее пространство, направленное вниз, т.к. это - отражение = глубина бесконечности. Например, К. Васильев в своём стихотворении «Мы уходим, а мир остаётся...», посвящённом С.Щербакову, рассматривает противопоставление: звезда в небе и звезда, отражённая в колодце.

В стихотворениях Тютчева и Васильева и природа, словно живое существо, радуется и грустит, чувствует и дышит. Такое одушевление обычно в поэзии. Но для поэтов это не просто литературный прием: величие и красоту природы они принимают и понимают не как свою фантазию, а как истину. Так и человек соединяет в себе и слабость, и величие. Он немошен перед горем, разлукой и смертью, но он велик своим стремлением к красоте, к идеалу, к беспредельному.

Тютчев:
*Не рассуждай, не хлопочи.
Безумство ищет, глупость судит,
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет [4: 139].*

Васильев:
*Да, оно как было, так и
Остаётся навсегда:
Перемирье после драки,
Ожидание суда [2: 174].*

Такое понимание жизни придает всему философскому мировосприятию поэтов трагический характер. «Когда испытываешь сознание хрупкости и непрочности всего в жизни, - писал Тютчев, - то существование, помимо духовного роста, является лишь бессмысленным кошмаром» [5]. Таким образом, всякое индивидуальное существование представлялось ему чем-то неизбежно обреченным на исчезновение.

XX век принес не только социальные и революционные потрясения, но и колоссальные открытия в области точных и общественных наук, изменилось до основания представление о мире и человеке и не могло не найти своеобразного преломления в мироощущении крупнейших поэтов своего времени.

С открытием многомерности мира связи его с человеком усложнились. На этой «волне» перед художником возникла необходимость не только воссоздать действительность в художественных образах, но и взять на себя задачу мыслителя, акцентировав внимание на вечных вопросах человеческого бытия. Поиски ответов на подобные вопросы все более отсылают нас не столько к точным наукам, сколько к миру духовных ценностей. В хаотичном мире искусство продолжает оставаться той спасительной силой, на которую возлагают надежды многие ученые и художники. Об этой тенденции пишет профессор Адыгейского государственного университета У. М. Панеш в своей статье «Об эволюции метода и особенностях реализма XX века»: «Показательно, что «ощущение хаоса» стало для части интеллигенции не только основой

нового взгляда на окружающую реальность, но и определило художественные искания времени и изменило представление об искусстве» [6].

К.Васильеву, для которого его космос неразрывно связан с Россией, идущей и постоянно ищущей своего особого пути, тяжело видеть её современную действительность:

*Какой самец тебя заманит
В полуразрушенный сарай?*

*Какой подлец тебя завалит
И заорёт: «А ну давай!»*

*Да что: противники насилий,
Жрецы, певцы известных мест,
Мы это делаем с Россией –
И на глазах своих невест!* [2: 208].

Поэт заставляет каждого собеседника задуматься и понять, что собственная жизнь и судьба окружающих людей зависят от нас самих, то есть каждый в желании изменить эту страшную действительность должен начинать с самого себя.

Творчество Васильева умещается в нескольких сборниках стихотворений, но содержание их бездонно и необъятно. Понять стихи большого поэта – это значит прикоснуться к вечности, постичь безмерность жизни, полноту и красоту бытия. Его поэзия вслед за Тютчевым может быть воспринята как единый глобальный пласт, в котором «философия» есть органичная поэтическая мысль. Поэт создавал стихотворения не как рационалистические философские конструкции, а как эмоциональные импровизации, в которых исключались соответствия пространственных, временных понятий и философских.

Примечания:

1. Понкратова А.Н. Славянофильство и Тютчев как «первый поэт-философ» // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 5. С. 43-44. URL: http://elibrary.ru/query_results.asp.
2. Васильев К. Избранное: стихотворения, эссе / сост., предисл. Е. Ермолин. Ярославль, 2003. 320 с.

-
3. Океанский В.П. Поэтика пространства в русской метафизической лирике 19 века: Е.А. Баратынский, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев. Иваново, 2002. 202 с.
  4. Тютчев Ф.И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1 / подгот. текста и коммент. К. Пигарева; вступ. ст. Л. Кузиной, К. Пигарева. М., 1984. 495 с.
  5. Кожин В.В. Пророк в своём отечестве. Ф. Тютчев – век XIX. URL: http://fictionbook.ru/author/kojinov_vadim_valeryanovich/prorok_v_svoem_otechestve/read_online.html?page=34.
  6. Панеш У.М. Об эволюции метода и особенностях реализма XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2010. Вып. 3. С. 54-57.

References:

1. Ponkratova A.N. Slavophilism and Tyutchev as «the first poet-philosopher» // Cultural life of the South of Russia. 2007. № 5. P. 43-44. URL: http://elibrary.ru/query_results.asp
2. Vasiljev K. Selected works: poems, essays / comp., foreword by E. Ermolin. Yaroslavl, 2003. 320 pp.
3. Okeansky V.P. Poetics of space in the Russian metaphysical lyric poetry of the 19th century: E.A. Baratynsky, A.S. Khomyakov, F.I. Tyutchev. Ivanovo, 2002. 202 pp.
4. Tyutchev F.I. Collected works: in 2 vol. V. 1 / formulation of the text and commentary by K.Pigarev; foreword by L. Kuzina, K. Pigarev. M., 1984. 495 pp.
5. Kozhinov V.V. A prophet in his own country. F. Tyutchev – XIX century. URL: http://fictionbook.ru/author/kojinov_vadim_valeryanovich/prorok_v_svoem_otechestve/read_online.html?page=34.
6. Panesh U.M. On the method evolution and special features of the XX century realism // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2010. Issue 3. P. 54-57.